

С.Н. Хомченко,

к.и.н.

Комфорт на десять пятаков. Быт и занятия военнопленных Великой армии в 1812-1814 гг. в Поволжье и Приуралье

Первая публикация: // Родина. 2012. № 6. С. 95-99.

Как известно, военнопленные Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов содержались почти во всех губерниях европейской части Российской империи. Рассмотрим условия их содержания, а так же занятия во время проведения плена, на примере поволжско-приуральского региона. При этом надо учитывать, что территории эти не были затронуты боевыми действиями и здесь, в основном, не было проблем с продовольствием и жильем, как в западных губерниях.

Для проживания прибывшим на место военнопленным отводились дома обывателей, обремененных постоянной повинностью, пустующие казармы либо другие подобные помещения. Офицеры и генералы могли снимать жилье за свой счет или переезжать на жительство по приглашению в дворянские дома¹. Так же в большинстве случаев пленные на местах обеспечивались необходимыми предметами быта. Кроме этого они, согласно законодательству, получали денежное содержание, зависящее от воинского звания, а нижние чины еще и солдатский провиант.

Вюртембергский обер-лейтенант Ю. Зоден вспоминал, что их первая забота по прибытии в Саранск Пензенской губернии была обращена на то, чтобы привести в порядок небольшой бюджет и при ограниченных доходах вести обычную жизнь. Это удалось сделать при дешевизне съестного. Фунт говядины обходился в 10 копеек или 3 крейцера, фунт хлеба - в 5-6 копеек. Зоден с товарищем жил в мещанской квартире. Пленные образовали артели по три-четыре человека и готовили пищу по разным немецким рецептам, чем часто привлекали внимание русских. Каждое такое маленькое хозяйство поручалось солдату, который выполнял все тяжелые работы, такие как, например, колка дров. Кроме съестных припасов 15 крейцеров тратились на покупку дров, соломы и свеч. Одноконная телега дров стоила 45 копеек или 14 крейцеров. Средств было достаточно и для того, чтобы иногда пить чай или кофе и посещать питейные заведения.

Вюртембергский обер-лейтенант Х. Йелин, живший там же, вспоминал, что жизнь была очень дешевая, так что десяти пятаков, то есть 15 крейцеров, им вполне хватало на день. Если офицеры не получали приглашения обедать, то готовили себе обед сами. Постепенно они обзавелись бельем и понемногу избавились от паразитов.

Баварский обер-лейтенант Ф. Фуртенбах в Краснослободске жил в прекрасном маленьком домике во дворе красильщика, где они с товарищем Сципионом были целиком предоставлены самим себе. На закрытом дворе был колодец, и с дровами проблем не было. Постройка была совсем новой, офицеры занимали в ней небольшое помещение с чуланом, хорошей печкой, маленьким погребком, сенями и чердаком, что очень подходило для домохозяйства. Фуртенбах купил рокожу, набил ее соломой, и использовал как матрас на

лавке. Сципион таким же образом спал на койке. Они приобрели необходимую посуду для готовки, чашки и тарелки, которые здесь неплохо изготавливали из дерева.

Офицеры ввосьмером вели общее хозяйство, в которое ежедневно вкладывалось 15 копеек или 4 ½ крейцера, и которые собирались на всю неделю. Так как кроме Фюзейе никто не был искушен в готовке, ему пришлось заниматься этим все время. Он все собственноручно закупал, готовил и мыл посуду, иногда кто-то помогал чистить овощи. В качестве компенсации он выговорил себе бесплатную стирку. По словам Фуртенбаха, ни в какой другой стране невозможно было бы жить на такие деньги, дешевизна продуктов была поразительная. Их хозяйство всегда было лучшим, и питались они прямо-таки деликатесами; баварец ежедневно менял меню и достиг вершин кулинарного искусства.²

Когда французский хирург Д. Фюзейе с товарищами прибыл в Спасск Казанской губернии, их поместили на краю города, в бедном квартале. В дома, где они жили, дважды в день сходились на кормежку свиньи, куры и коровы. В этих хижинах пленные страдали от невыносимой жары и зловония. Свиньи спали вперемежку с ними на полу в комнате, а куры – под печкой. Между тем хозяева, крепостные, производили впечатление вполне человеколюбивых людей. Они все время повторяли, что пленных должны расселить в лучших жилищах. Через пару недель их перевели в другие комнаты, но так как они тоже были далеки от совершенства, через месяц офицеры сняли жилье за свой счет. Готовили им их солдаты, бывшие слугами у трех офицеров.³

Новый, 1814 год, итальянский лейтенант Ф. Баджи встречал в губернском городе Симбирске. Не зная, сколько доведется прожить здесь, он с еще двумя офицерами снял небольшую, хорошо отапливаемую квартиру из двух комнат. На русское Рождество 14 итальянских офицеров были приглашены в дом своих земляков, давно осевших здесь. Их угостили сыром, изготовленным по итальянским рецептам, и превосходным пуншем, а вечером под рояль и гитару они распевали песни своей родины. В другой раз Баджи посетил винный погребок, где попил привезенное из Астрахани легкое вино по цене 1 бумажный рубль за бутылку. Из других продуктов итальянец отметил осетрину, стоившую, из-за изобилия здесь этой рыбы, всего 2 итальянских сольдо за фунт. Перед отъездом Баджи купил в Симбирске гитару с запасными струнами.

Переехав в Ставрополь, Баджи с товарищем Паккиони сняли хорошую квартиру, но когда они приехали туда с вещами, оказалось, что квартира уже занята другими пленными офицерами, отчего между ними произошла ссора. Пришлось довольствоваться менее удобной квартирой, куда друзья приехали в наихудшем расположении духа. Впрочем, вскоре они поменяли её на более приличную, состоящую из трех комнат, и к тому же в центре города и за очень маленькую плату.

Среди пленных был портной и с его помощью Баджи перешил свою шинель во фрак, а так же пошил новые штаны, в которых можно было показаться в обществе. У калмыков были куплены бараньи шкуры и сшита шуба, которая сохранилась до возвращения в Италию. Свою повседневную форму он так же сберег. Паккиони был особенно рад своему положению и не хотел быстрого окончания плена. Они получали положенное содержание, частые подарки, им не нужно было выполнять тяжелую работу. Баджи завел дружбу с французским офицером Кореза, с которым они преподавали друг другу свои родные языки. У того была «Генриада» Вольтера, которую Баджи, чтобы провести время, начал переводить в стихотворной форме на итальянский язык. Паккиони купил краски и рисовал эпизоды игры в мяч, а Баджи служил моделью. Рисунки развешивались на стенах квартиры. Так же друзья проводили вечера за музицированием на гитаре, врач Казанья присоединялся к ним со своей скрипкой. Паккиони сделал шахматы, в которые Баджи научился неплохо играть. С наступлением весеннего тепла пленные часто прогуливались в близлежащем леске. Денщик Леони с помощью силков наловил много птичек, которые своими голосами заполнили квартиру.

По пути домой большая группа итальянцев задержалась в Корсуни. Чтобы время шло быстрее, один солдат наделал марионеток и пленные развлекались постановками традиционных итальянских комедий, к которым добавлялись песни Баджи и Паккиони.

В уездной Самаре пленные жили по двое на квартирах обывателей, офицеры в отдельных комнатах, а солдаты – вместе с хозяевами.⁴

Прибывшим на жительство в Саратов местные власти стремились обеспечить приемлемые бытовые условия. В доме, где планировалось разместить пленных, на 158 человек была завезена солома для подстилки и в каждую комнату по столу. Подрядчики стали доставлять туда воду, дрова, сальные свечи, а равно и все потребное к удобному там содержанию. Для пленных были закуплены лопаты, топоры, корыта для стирки белья, деревянные ложки, чашки, ведра, чугуны, веники, метлы, рогожи и всякая мелочь.

Партии, в которой находился французский хирург Ф. Мерсье, для жительства была предоставлена казарма, во дворе которой находился значительный запас дров. Один из конвойных сержантов помог дешево приобрести и доставить необходимую мебель. Среди нескольких солдат, оставленных офицерам в услужение нашлось два-три приличных повара, которые занялись закупкой съестных припасов и кухонной посуды, а так же готовкой. Благодаря дешевизне продуктов меню пленных было достаточно разнообразно. Зато одежда, белье и разные предметы туалета стоили достаточно дорого.⁵

Вестфальского унтер-лейтенанта Э. Рюппеля с товарищами в Оренбурге поселили в достаточно приличной казарме, где в то же время жили инвалиды. Пленных снабдили войлоком, теплыми покрывалами и горячей едой, состоявшей из капустного супа, жареной рыбы и гречневой каши.

Вскоре некоторые пленники были переведены оттуда в Бузулук, где расселены по избам. Рюппель с двумя офицерами оказался в маленьком помещении, большую часть которого занимала печь. Спали на ней и на лавках у стен. Домашняя утварь состояла из нескольких железных горшков, пары деревянных тарелок, ведра и топора. Было решено разделить обязанности по дому. Лейтенант Пулевский взял на себя кухню и закупки, унтер-лейтенант Шнупхазе – поддержание огня и уборку, Рюппель должен был ежедневно колоть доставляемые дрова и таскать воду. Домашние работы, такие как перебирание гороха, чистка репы, оттирание горшков требовали столько времени, что пленные не могли жаловаться на скуку. Пулевский, хорошо владевший русским языком, не уступал лучшим фурьерам и вполне прилично всех кормил. Другие офицеры также создали общие хозяйства. Часть из них имела рядом солдат, которые помогали им.

Ганноверский солдат К. Циммерманн, как и другие нижние чины, жил под Бузулуком в простой крестьянской избе, где, по его словам, влачил жалкое существование. Худшее неудобство в таком жилище составлял ужасный дым, который заполнял его при растопке большой печи, и угарный чад, проникавший через все щели после того, как огонь разгорался. Пленным не разрешалось подниматься в верхнюю часть комнаты, им отвели угол на крайних лавках у пола, и оттуда они не должны были высовываться. Помещение кишело всякого рода насекомыми, множество тараканов днем и ночью бегали по столу и стенам и будили спящих, падая на них. Одно из немногих, что радовало – дешевизна продуктов.

Французский капитан П. Ноказ с четырьмя товарищами в деревне К* Бузулукского уезда был размещен в отдельной комнате, очень маленькой, но пригодной для жилья. Здесь пленные находили возможность достать себе качественное и дешевое продовольствие. Однако вскоре они были переведены в Кинель-Черкассы, где Ноказ с солдатом оказались в одном помещении с четырьмя крестьянами, кобылой, тремя телятами, десятью овцами и 28 другими мелкими домашними животными. Часто за ночь овцы съедали всю солому, на которой спал француз, а утром его будили телята, которые лизали ему лицо. При этом Ноказ отмечал, что ему еще повезло, так как некоторые его товарищи оказались в доме со свиньями. Но и здесь воздух был наполнен запахом навоза шести видов животных. Лишь через несколько месяцев Ноказ был переведен в Бугуруслан, где жилищные условия были

приемлемые. Здесь он вел общее хозяйство с семью другими офицерами, занимаясь закупкой продуктов, которые были крайне дешевы. К своему стыду, он взял за обычай по пути на рынок заходить в кабаки, где выпивал водки. Борьбу со скукой Ноказу помогали французские книги, которые он брал читать у местных дворян. Особо понравившиеся он даже переписывал, рассчитывая увезти во Францию. Длинные вечера скрашивал и красивый триктрак, который сделал ему солдат, искусный столяр-краснодеревщик.

Французский су-лейтенант О. Белэ, проживавший в Бирске, так же писал, что пленные офицеры объединялись в группы по пять-шесть человек для совместного питания. Готовили им, как правило, их же солдаты. Белэ повезло, так как их обслуживал настоящий повар, обладавший желанием и умением готовить. Старый рыбак поставлял им чудесную рыбу по небольшой цене. Дичь так же стоила недорого, особенно зайцы и кролики, которых крестьяне не ели, а использовали только шкурки. На общественной мельнице покупали белую муку и один из солдат, бывший подмастерьем у булочника, пек замечательный хлеб. Иногда пленные нанимали у крестьян повозки и ехали кататься по окрестностям, особенно любили гулять на берегу реки Белой. Некоторые офицеры злоупотребляли спиртным вместо того, чтобы тратить деньги на покупку белья или одежды. Их товарищи неодобрительно относились к этим возлияниям.

Офицер Роллан, окончивший Политехническую школу, предложил друзьям в свободное время делиться знаниями, которыми они владели. Из шестидесяти офицеров четырнадцать согласились и скоро, под критику и насмешки менее трудолюбивых товарищей, начались занятия в кружке, шутливо названном Ученым советом. Роллан преподавал математику и арифметику, а позже – алгебру и геометрию, причем объяснял все так ясно, что многим было понятно с первого раза. Боясь утомить своих слушателей абстрактными понятиями, Роллан одновременно вел курс литературы и истории французской литературы. Доктор Брюггеман сделал обзор обществознания, ботаники, физики, астрономии и медицины. Капитан Валлен заставил вспомнить всю историю Франции, а шеф батальона Ландваузен, первоклассный оратор, великолепно обрисовал картину правления Наполеона, подробно разобрав Русскую кампанию. Весной занятия Ученого совета часто переносились за город, на природу. Многие слушатели получили большое удовольствие от такого образования. Постепенно Ученый совет расширился за счет новых слушателей.⁶

Некоторые пленные могли улучшить свое материальное положение за счет денежных переводов с родины либо кредитов, запрошенных в банках Санкт-Петербурга. Самыми крупными получателями, из найденных нами, были французский шеф батальона Ландваузен, получивший в общей сложности 4300 руб., немецкий лейтенант Сирефельд – 1440 руб., польский генерал Тышкевич – 1175 руб.⁷

Одними из самых ярких моментов плена были свадьбы. В мае 1814 г. в Астраханской губернии появились две новые семьи, созданные пленными. В Астрахани в католической церкви обвенчались французский рядовой Елоа Дегру с данцигской уроженкой Анной Ковальской. В Енотаевске женились рядовой Жан Губер и девица Марианна Эннекен. Интересные подробности этого события описаны в исследовании Э. М. де Сент-Илера.

В январе 1813 г. в Енотаевск была приведена партия пленных, в числе которых был старший помощник хирурга француз Л. Руссо. Среди пленных находилась и 16-летняя девушка Марианна, попавшая в плен со своим отцом, французским фуражиром Жаном Эннекеном. Многие помогали ей и оказывали различные знаки внимания. Однажды утром к Руссо явился лично преданный ему кирасир, 25-летний Жан Губер, занимавшийся здесь прибыльным ремеслом портного и приобретший небольшой достаток. Молодой человек смущенно объявил своему покровителю о желании жениться на Марианне. Проблемой стала регистрация брака, так как в Енотаевске не было католического священника, и даже временно отсутствовал городничий. Руссо взял с жениха слово немедленно по возвращении во Францию узаконить гражданское состояние, о чем был составлен соответствующий

протокол, а так же устроил приезд из Астрахани монаха-иезуита, который благословил молодых. После этого в присутствии всех пленных состоялась блестящая свадьба.⁸

По сведениям Хованского, в Саратовской губернии некоторые лица, так же находившиеся в положении военнопленных, вступали в брак с русскими женщинами. Например, богатая помещица Ахлебенинина вышла замуж за французского офицера Риго.⁹

По циркулярному предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 14 января 1813 г. разрешалось употреблять пленников для облегчения их содержания на различные простые работы.¹⁰ Таким образом, был легализован физический и интеллектуальный труд военнопленных, который уже применялся как местными властями, так и частными лицами, в первую очередь помещиками.

В Пензенской губернии губернатор разрешал использовать пленников во время посевных работ. В Краснослободске лейтенант Боле зарабатывал мастерством ювелира и даже имел собственный инструмент золотых и серебряных дел.¹¹

В Нижегородской губернии в имении статского советника Ребиндера 11 французов «употреблялись в работу». Пленные так же занимались гаданием на картах и мелким мошенничеством по отношению к крестьянам. Один солдат предсказал своему хозяину, что его корова умрет через три месяца, если он ее не убьет. Крестьянин зарезал корову, и этот солдат ел мясо каждый день. В другой раз два солдата встретили в лесу корову и привязали ее к дереву. Крестьянин, разыскивающий корову, попросил погадать на картах о своей пропаже. Один солдат пошел за коровой, другой предсказал крестьянину, что через четверть часа она будет обнаружена. Действительно, корова вернулась, и удивленный крестьянин дал солдату то, что он попросил.¹²

В Ставрополе музыкант итальянской гвардии Фиамеджини давал уроки скрипки сыну городничего. Один чиновник пристроился преподавать французский язык сыну местного помещика. Другой пленный, портной, обшивал своих товарищей. В Буинске пленные солдаты занимались перевозкой земли для засыпания пруда. Швейцарский унтер-офицер Ш. Мино сообщил, что он, как и многие пленные, плел из конского волоса кольца, которые успешно продавались.¹³

В Саратове пленные, в первую очередь вхожие в дворянские дома офицеры, занимались преподаванием французского языка, математики, фехтования, рисования и других предметов. В Балашове итальянцы изготовляли очень красивые плетеные изделия из соломы, а поскольку этот промысел прежде не был здесь известен, зарабатывали таким способом хорошие деньги.¹⁴

Кроме гарнизонной службы, в Астраханской губернии пленные поляки употреблялись в различных городских работах – ремонте улиц и мостов, рытье канав для стока воды, за что они получали дополнительно по 15 коп. в день. 59 человек было командировано в Экспедицию астраханских соляных озер для охраны их от расхищения соли обывателями. Десять поляков находились на службе в разных таможенных пунктах. Шестеро благонадежных пленников служили в астраханской пожарной команде «при инструментах и лошадях». В Енотаевске французы работали на предприятии по производству водки, за что получали суммы, равные 6 французским су в день, что было хорошим жалованием, так как фунт мяса, например, стоил всего 1 су.¹⁵

В Оренбургской губернии в зиму 1812/13 гг. пленные солдаты в д. Кувак одно время были лишены снабжения продовольствием и занимались тяжелой работой за еду. Находившийся здесь же вюртембергский полковник граф Вальдбург жаловался, что обремененные трудом рядовые еще счастливее офицеров, лишенных такого способа пропитания.

В Бирске один шустрый парижанин, если верить Белэ, открыл кабачок под названием «Парижское кафе», который посещали не только пленные, но и местные жители. Здесь подавали чай, кофе, плохое пиво и ржаную или картофельную водку, была оборудована комната для курения.

В Бугуруслане один французский солдат купил игральные карты и, представляясь пророком, выманивал у доверчивых крестьян деньги. Например, однажды он унес сушившееся белье и спрятал его в стоге сена. Когда же крестьянин пришел к нему за советом, «пророк» за соответствующую плату «предсказал», где найдется пропажа. В другой раз он попробовал себя в роли врача, когда к нему пришли по поводу одного больного. Француз сначала отказывался от лечения, но когда ему предложили крупное вознаграждение, не удержался и дал порошок из сушеных и истолченных трав. На удивление больной выздоровел, но в дальнейшем солдат не рисковал и занимался только картами. Надо отметить, что услугами «пророка» пользовались не только крестьяне, но и благородные дамы, желающие узнать новости о русской армии, которых они довольно долго не получали.

Некоторые пленные наладили производство соломенных шляп, успешно сбывавшихся местным модницам, другие делали кубики для игры в кости, так же пользующиеся спросом. В Бузулуке Циммерманн научился плести кольца из конского волоса. Волос сначала красили в горячей воде, куда клали куски воротников и обшивки с военной формы, в зеленый, желтый и красный цвет. Потом он искусно сплетался в кольца с именами или девизами, которые продавались или дарились.¹⁶

Но самыми уважаемыми и востребованными пленными были врачи. Недостаток медиков ощущался особенно остро за пределами губернских городов, поэтому появление здесь относительно большого количества квалифицированных специалистов вызвал к ним пристальное внимание как со стороны властей, так и местных жителей.

Зоден вспоминал, что среди пленных находились два молодых лекаря, которые во врачебной науке были еще мало сведущи. Но и они были завалены работой и, благодаря заработкам, их положение значительно улучшилось. Им поступали выгодные предложения остаться на постоянное жительство в этой округе. Но всегда победу одерживали любовь и привязанность к Отечеству.

Один из врачей имел такую же фамилию, что и проживавший с ним офицер. Однажды, когда пришли за врачом, того не оказалось на месте, и присутствовавший его однофамилец решил пошутить, выдавая себя за своего товарища. Однако шутка зашла слишком далеко, когда от прописанного «лекарства», обычного чая из ромашки, состояние больного только ухудшилось. Шутнику пришлось обратиться к настоящему специалисту, и тот вылечил больного, а гонорар был поделен поровну. По архивным данным можно установить фамилию шутника. Им оказался баденский лейтенант Герман Клейн, а его товарищем по плену являлся вюртембергский хирург Эрнст Клейн.

Однажды пленному врачу самому пришлось обратиться за помощью к городничему И. Евсюкову, когда пациент отказался платить за лечение. В другой раз произошел совсем комичный случай, когда местный житель стал уверять, что ему в ухо вполз таракан. Врач осмотрел пациента, но ничего не обнаружил. Когда жалобы на боли продолжились, врач пошел на хитрость. Он нашел таракана, взял его в руку и стал утверждать, что достал его из уха больного. Это помогло, и русский объявил, что совершенно выздоровел.

Йелин так же отмечал, что пленные врачи пользовались в Саранске большим успехом, потому что во время пребывания их здесь среди помещиков было много больных, а в городе не оказалось ни докторов, ни аптек, поэтому жители были очень рады, что среди пленных оказались доктора. Одному из врачей обещали очень многое, если он останется в России еще на несколько лет, но он все-таки предпочел вернуться на родину.¹⁷

В Спасске хирург Фюзейе решил бесплатно лечить всех больных, которых представит случай, и ни разу не пожалел об этом. После того, как были вылечены несколько больных, страдающих офтальмией и язвой, французский врач приобрел столь широкую известность,

что к нему начали приезжать не только из Казанской, но и из соседней Симбирской губернии. По воскресеньям приток больных был так велик, что до полудня у Фюзейе не было времени позавтракать. Каждый день, с пяти утра до восьми вечера, он делал перевязки и выписывал рецепты для отправки их в Казань, потому что ближе фармацевта не было. Дворяне также приглашали его к себе. Городничий не позволял пленному удаляться на большие расстояния, но ему все же удавалось уезжать иной раз за 25-30 лье, в таких случаях за ним высылали экипаж или кого-нибудь верхом. Позже городничий стал менее строг и закрывал глаза на эти отлучки, так как француз вылечил его сына, чуть было не потерявшего зрение.

К этому времени Фюзейе начал понемногу избавляться от нищеты. Несмотря на твердый отказ брать платы за лечение, крестьяне несли ему яйца, масло, мед, уток, гусей, кур, которыми он делился с товарищами по плену. Мещане приносили холст, муку и т. д., а дворяне платили деньги. Фюзейе ничего не хотел брать, но помещики советовали не отказываться от подношений, так как люди были недовольны этими отказами, полагая, что врач не хочет их лечить. Фюзейе часто предлагали остаться здесь, обещая скорое богатство, но он, благодарив, отказывался.¹⁸

Через несколько дней после прибытия в Саратов, хирурга Мерсье вызвал к себе губернатор А.Д. Панчулидзе. Оказался серьезно болен его сын и Панчулидзе обратился с просьбой вылечить его, на что француз уклончиво ответил словами средневекового хирурга Амбруаза Парэ: «Я даю только лекарства, а излечивает Господь Бог». Впрочем, благодаря ценным советам Мерсье и хорошему уходу мальчик через две недели начал поправляться, что очень возвысило авторитет француза, особенно в глазах жены губернатора. После этого Мерсье, наряду с другими пленными офицерами, был принят в высшее общество и на балу в честь выздоровления мальчика познакомился со многими влиятельными саратовцами и окрестными помещиками. Те со следующего дня принялись забрасывать его предложениями и консультациями. Через некоторое время обращения стали столь многочисленными, что хирург при всем желании не мог помочь всем желающим. Не имея возможности принимать клиентов в казарме, где жили пленные, Мерсье вскоре снял в городе квартиру. Гонорар, который он получал, позволил ему это сделать. Он даже отказался от своего офицерского жалования в пользу молодого фельдфебеля, ставшего его секретарем.

Однажды к нему явился управляющий одного помещика с просьбой приехать к его хозяину, среди крестьян которого началось что-то вроде эпидемии. Нужно было выехать за пределы Саратова, и губернатор легко дал такое разрешение. После этой поездки Мерсье достаточно часто стал ездить по губернии, уже не спрашивая особого позволения Панчулидзева. По окончании плена губернатор сделал французу предложение остаться здесь на очень выгодных условиях, но тот, выразив признательность за прием и предложение, отказался.

Врач 1-го класса поляк С. Пешке по пути в Саратовскую губернию пользовал своих солдат. Находясь на жительстве в Петровске, Пешке организовал с помощью городничего госпиталь для своих больных, количество которых увеличивалось с каждым днем. Так как не хватало надлежащих лекарств, многие случаи гангрены приходилось лечить с помощью ампутации конечностей. Одновременно нужно было защищать от возможного заражения и местных жителей.

Однажды помещик Карпов, проболевший четыре года водянкой, пригласил к себе польского врача. Пешке удалось поставить его на ноги, после чего он приобрел в Петровске добрую славу. Его стали приглашать в окрестные села или приезжать за врачебной помощью самостоятельно. Однажды Пешке провел операцию по удалению опухоли на шее слуги помещика Столыпина, весившей около 1400 грамм! За это врач получил очень солидный гонорар. В феврале 1813 г., когда в городе и окрестностях начались простудные заболевания и эпидемия коклюша, Пешке относительно успешно лечил многочисленных больных лекарственными травами.¹⁹

В Бирске французский врач Брюггеман быстро создал себе доброе имя благодаря своим медицинским познаниям, самопожертвованию и мягкости по отношению к пациентам. Местные дворяне делали ему небольшие подарки, благодаря которым стол становился лучше и разнообразнее, а некоторые из подарков служили украшением комнаты, делая ее более уютной. Время от времени новоиспеченные друзья приглашали его отобедать. Как правило, его товарищ Белэ составлял ему компанию, поскольку добрейший Брюггеман настаивал на том, что он не получит удовольствия от обеда в полной мере, если друг не разделит с ним эту небольшую радость.

В начале 1814 г. Брюггеман был срочно вызван в Уфу к оренбургскому гражданскому губернатору М.А. Наврозову. Seriously заболел сын губернатора и французский врач, благодаря природному чутью смог поставить диагноз, принялся за энергичное лечение, и через несколько дней после его приезда ребенок начал выздоравливать и вскоре совершенно поправился. Там же в Уфе Брюггеман смог вылечить местного городничего Караулова от давно мучившего его недуга.²⁰

Надо сказать, что пленные врачи не всегда демонстрировали достаточные познания в медицине. Так, итальянский лекарь 2-го класса Дж. Крозино, находившийся в Нижегородской губернии, в 1813 г. подал просьбу принять присягу и заниматься медицинской практикой. В ответ ему было предложено выдержать экзамен в ближайшем российском университете. Крозино был выдан паспорт для проезда в Москву, где он был отправлен к ректору Московского Университета. Однако на предварительном испытании итальянец показал столь недостаточные знания, что даже не был допущен до основного экзамена и ни с чем вернулся в Нижний Новгород, не оставив, впрочем, своих медицинских занятий.

Проживавший в Саратове австриец И. Доморацкий, желая принять российское подданство, уверял, что в полку он был лекарем и имел в этой специальности восьмилетний стаж. Саратовская врачебная управа провела ему испытание в медицинских науках и нашла, что проситель не имеет в медицине никаких познаний. Доморацкий, не смутившись, стал просить об определении его в лекарские ученики, но и в этом ему было отказано.²¹

Как видим, бытовые условия, в которых содержались военнопленные, были за некоторыми исключениями вполне приемлемыми. Занятия же пленных, в зависимости от их материального положения, позволяли либо улучшить его, либо просто скрасить период вынужденного бездействия, в то время как в Европе их более удачливые товарищи и противники творили Историю.

¹ Пленные офицеры повсеместно приглашались в дворянские дома как для приятного времяпрепровождения, так и проживания. Однако в данной статье мы намеренно опускаем эту сторону быта военнопленных и сосредоточимся на их внутренних проблемах.

² Soden F. Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg. 1832. S. 107-108; Yelin Ch. In Russland 1812. München. 1911. S. 85; Furtenbach F. Krieg gegen Russland und russische Gefangenschaft. Nürnberg–Leipzig, 1912. S. 180-183.

³ Fuzellier D. Journal de captivité en Russie. 1813–1814. Boulogne. 1991. P. 176, 181-182.

⁴ Memorie di Francesco Baggi. Bologna. 1898. P. 175-181, 190-193, 208; Де-Пуле М. Отец и сын // Русский вестник. 1875. № 6. С. 510.

⁵ Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне. Саратов. 1912. С. 70-72; Руа И. Французы в России: Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб. 1912. С. 99, 103-104.

⁶ Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin. 1912. S. 147-148; Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien. Erinnerungen aus dem Feldzuge nach Russland und aus der Gefangenschaft 1812-1814. Hannover. 1863. S. 30-31; [Naucaze.] Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du cote de l'Asie. Paris. 1817. P. 50-52, 105, 116, 123-126; Belay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris. 1907. P. 139-143.

⁷ Государственный архив Астраханской области. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1505. Л. 75; Центральный Государственный Исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 17. Л. 555, 557, 577.

-
- ⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1166. Л. 31-32об; Оп. 4. Т. 1. Д. 285. Л. 1-5; Saint-Hilaire E. M. Histoire de la campagne de Russie pendant l'annee 1812: et de la captivite des prisonniers francais en Siberie et dans les autres provinces de l'empire, precedee d'un resume de l'histoire de Russie. T. 2. Paris-Genève. 1846. P. 606-608.
- ⁹ Хованский. Указ. соч. С. 251.
- ¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 61.
- ¹¹ Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 509. Л. 22, об; Д. 510. Л. 4, 9.
- ¹² Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2. Оп. 6. Д. 41. Л. 6; Cheron A. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris. 2001. P. 64-65.
- ¹³ Baggi. Op. cit. P. 180, 184; Minod Ch. F. Journal des campagnes et blessures // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. Paris. 1999. P. 48, 57.
- ¹⁴ Руа. Указ. соч. С. 193; Пешке С.Б. Мое пребывание в российском плену в 1812 г. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 5. Саратов. 2003. С. 405.
- ¹⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1080. Л. 8, об; Оп. 4. Т. 1. Д. 165. Л. 96; Д. 264. Л. 27; Saint-Hilaire. Op. cit. P. 605-606.
- ¹⁶ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 503, об.; Belay. Op. cit. P. 136, 138; Naucaze. Op. cit. P. 159-163, 197; Zimmermann. Op. cit. S. 33.
- ¹⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 22, об; Soden. Op. cit. S. 110-113; Yelin. Op. cit. S. 86-87.
- ¹⁸ Fuzellier. Op. cit. P. 183-185.
- ¹⁹ Руа. Указ. соч. С. 105-106, 115-116, 131-134, 192, 196-197; Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Mój pobyt w niewoli rosyjskiej w r. 1812. Warszawa. 1913. P. 34; Пешке. Указ. соч. С. 395-399.
- ²⁰ Belay. Op. cit. P. 132, 157, 166, 171.
- ²¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 166. Л. 1-6; Щукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. Т. 4. М. 1899. С. 196; Хованский. Указ. соч. С. 245.